

Белла Ахмадулина

УРОКИ МУЗЫКИ

Люблю, Марина, что тебя, как всех,
что,- как меня - озябшею гортанью
не говорю: тебя - как свет! как снег!-
усильем шеи, будто лед глотаю,
стараюсь вымолвить: тебя, как всех,
учили музыке. (О крах ученья!
Как если бы, под богов плач и смех,
свече внушали правила свеченья.)

Не ладили две равных темноты:
рояль и ты - два совершенных круга,
в тоске взаимной глухонемоты
терпя иноязычие друг друга.

Два мрачных исподлобья сведены
в неразрешимой и враждебной встрече:
рояль и ты - две сильных тишины,
два слабых горла музыки и речи.

Но твоего сиротства перевес
решает дело. Что рояль? Он узник
безгласности, покуда в до диез
мизинец свой не окунет союзник.

А ты - одна. Тебе - подмоги нет.
И музыке трудна твоя наука -
не утруждая ранащий предмет,
открыть в себе кровотечение звука.

Марина, до! До - детства, до - судьбы,
до - ре, до - речи, до - всего, что после,
равно, как вместе мы склоняли лбы
в той общедетской предрояльной позе,
как ты, как ты, вцепившись в табурет,-
о карусель и Гедике ненужность!-
раскручивать сорвавшую берет,
свистящую вокруг головы окружность.

Марина, это все - для красоты
придуманно, в расчете на удачу
раз накричаться: я - как ты, как ты!
И с радостью бы крикнула, да – плачу.

Bella Akhmadulina

MUSIC LESSONS

I love, Marina, that you were, like all,
that you – like me – I am, my larynx frozen,
not saying: You – like light! like evenfall! –
but as if choked on ice, my struggling bosom
is trying to exhale: You were, like all,
taught music lessons. (Oh, absurd of schooling!
As if, to God's amusement and appall,
a magnet were instilled with rules of pulling.)

Two darknesses would hardly get along:
You and the piano, two complete dimensions,
two aliens to one another's songs,
two rivals jointly serving their detention.

Two stubborn sullennesses are opposed
in an insoluble, unfriendly silence:
The grand and you – two powers of the pause,
Two fragile instruments of vocal science.

Your orphanhood is the head start that tips
the scales. For, what's a piano but a captive
of voicelessness, until an ally dips
his fingertips into diminished Septimes.

And you are – solo. You yourself suffice.
And music finds your recipe misleading:
Not conjuring an injuring device,
to let the cords reveal acoustic bleeding.

Marina - fore! Fore destiny, and sin,
fore youth, and voice, and poetry, and prose,
we both, together bowed our foreheads in
that childhood-wide before-a-piano pose,
like you, like you, hands clinging to the stool –
Oh, metronome, don't wag your angry finger! –
to circle right, and left, and upward too,
and on the very edge of falling linger...

Marina, this has been – don't misconstrue
my silly aim – designed in vain, in trying
for once to cry enough: like you, like you!
And I would love to, but instead, I'm crying.

Translated by Alexander Givental and Elysee Wilson-Egolf